Компромисс

Автор:
Сергей Довлатов

Компромисс

Сергей Довлатов

Сергей Довлатов – один из наиболее популярных и читаемых русских писателей конца XX – начала XXI века. Его повести, рассказы и записные книжки переведены на множество языков, экранизированы, изучаются в школе и вузах. «Заповедник», «Зона», «Иностранка», «Наши», «Чемодан» – эти и другие удивительно смешные и пронзительно печальные довлатовские вещи давно стали классикой. «Отморозил пальцы ног и уши головы», «выпил накануне – ощущение, как будто проглотил заячью шапку с ушами», «алкоголизм излечим – пьянство – нет» – шутки Довлатова запоминаешь сразу и на всю жизнь, а книги перечитываешь десятки раз. Они никогда не надоедают.

Сергей Довлатов

Компромисс

© С. Довлатов (наследники), 1981, 2013

© А. Арьев, послесловие, 2001

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Н.С.Довлатовой – за все мученья!

…И остался я без работы. Может, думаю, на портного выучиться? Я заметил – у портных всегда хорошее настроение…

Встречаю Логинова с телевидения.

– Привет. Ну, как?

– Да вот, ищу работу.

– Есть вакансия. Газета «На страже Родины». Запиши фамилию – Каширин.

– Это лысый такой?

– Каширин – опытный журналист. Человек – довольно мягкий…

– Дерьмо, – говорю, – тоже мягкое.

– Ты что, его знаешь?

– Нет.

– А говоришь… Запиши фамилию.

Я записал.

– Ты бы оделся как следует. Моя жена говорит, если бы ты оделся как следует…

Между прочим, его жена звонит как-то раз… Стоп! Открывается широкая волнующая тема. Уведет нас далеко в сторону…

– Заработаю – оденусь. Куплю себе цилиндр…

Я достал свои газетные вырезки. Отобрал наиболее стоящие. Каширин мне не понравился.

Тусклое лицо, армейский юмор. Взглянув на меня, сказал:

– Вы, конечно, беспартийный?

Я виновато кивнул. С каким-то идиотским простодушием он добавил:

– Человек двадцать претендовало на место. Поговорят со мной… и больше не являются. Вы хоть телефон оставьте.

Я назвал случайно осевший в памяти телефон химчистки.

Дома развернул свои газетные вырезки. Кое-что перечитал. Задумался…

Пожелтевшие листы. Десять лет вранья и притворства. И все же какие-то люди стоят за этим, какие-то разговоры, чувства, действительность… Не в самих листах, а там, на горизонте…

Трудна дорога от правды к истине.

В один ручей нельзя ступить дважды. Но можно сквозь толщу воды различить усеянное консервными банками дно. А за пышными театральными декорациями увидеть кирпичную стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг. Это известно всем, кто хоть раз побывал за кулисами…

Начнем с копеечной газетной информации.

Компромисс первый

(«Советская Эстония». Ноябрь. 1973 г.)

«НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. Ученые восьми государств прибыли в Таллинн на 7-ю Конференцию по изучению Скандинавии и Финляндии. Это специалисты из СССР, Польши. Венгрии. ГДР, Финляндии. Швеции. Дании и ФРГ. На конференции работают шесть секций. Более 130 ученых: историков. археологов, лингвистов – выступят с докладами и сообщениями. Конференция продлится до 16 ноября».

Конференция состоялась в Политехническом институте. Я туда заехал, побеседовал. Через пять минут информация была готова. Отдал ее в секретариат. Появляется редактор Туронок, елейный, марципановый человек. Тип застенчивого негодяя. На этот раз возбужден:

– Вы допустили грубую идеологическую ошибку.

– ?

– Вы перечисляете страны…

– Разве нельзя?

– Можно и нужно. Дело в том, как вы их перечисляете. В какой очередности. Там идут Венгрия, ГДР, Дания, затем – Польша, СССР, ФРГ…

– Естественно, по алфавиту.

– Это же внеклассовый подход, – застонал Туронок, – существует железная очередность. Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока…

– О'кей, – говорю.

Я переписал информацию, отдал в секретариат. Назавтра прибегает Туронок:

– Вы надо мной издеваетесь! Вы это умышленно проделываете?!

– Что такое?

– Вы перепутали страны народной демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово! Вы работник партийной газеты. Венгрию – на третье место! Там был путч.

– А с Германией была война.

– Не спорьте! Зачем вы спорите?! Это другая Германия, другая! Не понимаю, кто вам доверил?! Политическая близорукость! Нравственный инфантилизм! Будем ставить вопрос…

За информацию мне уплатили два рубля. Я думал – три заплатят…

Компромисс второй

(«Советская Эстония». Июнь. 1974 г.)

«СОПЕРНИКИ ВЕТРА (Таллиннскому ипподрому – 50 лет). Известные жокеи. кумиры публики – это прежде всего опытные зоотехники. которые настойчиво и терпеливо совершенствуют породу. развивают у своих «воспитанников» ценные наследственные признаки. Кроме того. это спортсмены высокой квалификации. которые раз в неделю отчитываются в своих успехах перед взыскательной таллиннской публикой. За пятьдесят лет спортсмены отвоевали немало призов и дипломов, а в 1969 году мастер-наездник Антон Дукальский на жеребце Тальник выиграл Большой всесоюзный приз. Среди звезд таллиннского ипподрома выделяются опытные мастера – Л.Юргенс. Э.Ильвес. Х. Ныммисте. Подает надежды молодой спортсмен А. Иванов.

В ознаменование юбилея на ипподроме состоится 1 августа конный праздник».

Таллиннский ипподром представляет собой довольно жалкое зрелище. Грязноватое поле, косые трибуны. Земля усеяна обрывками использованных билетов. Возбужденная, крикливая толпа циркулирует от бара к перилам.

Ипподром – единственное место, где торгуют в розлив дешевым портвейном.

В кассе имеются билеты двух типов – экспрессы и парки. Заказывая экспресс, вы должны угадать лидеров в той последовательности, в какой они финишируют. Парка – угадываете двух сильнейших финалистов в любой очередности. За парный билет соответственно выплата меньше. И за фаворитов платят мало. На них ставит весь ипподром, все новички. Значительный куш дают плохие лошади, случайно оказавшиеся впереди. Фаворита угадать нетрудно. Труднее предусмотреть неожиданное – вспышку резвости у какого-нибудь шелудивого одра. Классные наездники за большие деньги придерживают фаворитов. Умело отстать – это тоже искусство. Это даже труднее, чем победить. Впереди оказываются посредственные лошади. Выигрыши достигают иногда ста пятидесяти рублей. Однако хорошие наездники вряд ли захотят иметь с вами дело. У них солидная клиентура. Проще договориться с жокеем третьей категории. Играть на бегах ему запрещено. Он действует через подставных лиц. Берет программу завтрашних скачек и размечает ее для вас. Указывает трех сильнейших лошадей в каждом заезде. А вы, согласно указаниям, покупаете билеты и на его долю тоже.

Я решил написать юбилейную заметку об ипподроме. Побеседовал с директором А. Мельдером. Он вызвал Толю Иванова.

– Вот, – говорит, – молодое дарование.

Мы пошли с Ивановым в буфет. Я сказал:

– У меня есть лишние деньги, рублей восемьдесят. Что вы посоветуете?

– В смысле?

– Я имею в виду бега.

Иванов опасливо на меня взглянул.

– Не бойся, – говорю, – я не провокатор, хоть и журналист.

– Да я не боюсь.

– Так в чем же дело?

В результате он «подписался»:

– Дукель (то есть Дукальский) ставит через приезжих латышей. Это крутой солидняк. Берут заезды целиком, причесывают наглухо. Но это в конце, при значительных ставках. А первые три заезда можно взять.

Я достал программу завтрашних скачек. Толя вынул карандаш…

После третьего заезда мне выплатили шестьдесят рублей. В дальнейшем мы систематически уносили от тридцати до восьмидесяти. Жаль, что бега проводились раз в неделю.

Летом Толя Иванов сломал ногу и обе ключицы. Лошади тут ни при чем. Он выпал пьяный из такси.

С ипподромом было покончено. Уже несколько лет «соперник ветра» работает барменом в Мюнди.

Компромисс третий

(«Молодежь Эстонии». Август. 1974 г.)

«Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ КАК ДОМА (Гости Таллинна). У Аллы Мелешко на редкость привлекательное лицо. Это. конечно. не главное в жизни. И все-таки. все-таки… Может быть. именно здесь таится причина неизменного расположения

окружающих к этой смешливой. чуть угловатой девчонке…

Алла не принадлежит к числу именитых гастролеров. Не является участником высокого научного симпозиума. Спортивные рекорды – не ее удел…

Аллу привело в наш город… любопытство. Да, да, именно любопытство. беспокойное чувство. заставляющее человека неожиданно покидать городской уют. Я бы назвал его – чувством дороги. соблазном горизонта, извечным нетерпением путника…

«В неустойчивости – движение!» – писал знаменитый теоретик музыки – Черни…

Мы решили задать Алле несколько вопросов:

– Что вы можете сказать о Таллинне?

– Это замечательный город, уютный и строгий. Поражает гармоническим контрастом старины и модерна. В его тишине и спокойствии ощущается гордая мощь…

– Как вы здесь оказались?

– Я много слышала о здешних дизайнерах и живописцах. Кроме того. я люблю море…

– Вы путешествуете одна?

– Мои неизменные спутники – фотоаппарат и томик Александра Блока.

– Где вы успели побывать?

– На Вышгороде и в Кадриорге. где меня окружали ручные белки. доверчивые и трогательные.

– Каковы ваши дальнейшие планы?

– Кончится лето. Начнутся занятия в моей хореографической студии. Снова – упорный труд, напряженная работа… Но пока – я чувствую себя здесь как дома!»

В этой повести нет ангелов и нет злодеев… Нет грешников и праведников нет. Да и в жизни их не существует. Вот уже несколько лет я наблюдаю…

Один редактор говорил мне:

– У тебя все действующие лица – подлецы. Если уж герой – подлец, ты должен логикой рассказа вести его к моральному краху. Или к возмездию. А у тебя подлецы – нечто естественное, как дождь или снег…

– Где же тут подлецы? – спрашивал я. – Кто, например, подлец?

Редактор глядел на меня как на человека, оказавшегося в нехорошей компании и пытающегося выгородить своих дружков…

Я давно уже не разделяю людей на положительных и отрицательных. А литературных героев – тем более. Кроме того, я не уверен, что в жизни за преступлением неизбежно следует раскаяние, а за подвигом – блаженство. Мы есть то, чем себя ощущаем. Наши свойства, достоинства и пороки извлечены на свет божий чутким прикосновением жизни… «Натура – ты моя богиня!» И так далее… Ладно…

В этой повести нет ангелов и нет злодеев, да и быть не может. Один из героев – я сам. Выведен также Миша Шаблинский, с характерными для него выражениями – «спонтанная апперцепция», «имманентный дуализм»… Далее фигурирует Митя Кленский, его тоже легко узнать. Пристрастие к анодированным зажимам для галстука и толстым мундштукам из фальшивого янтаря снискало ему широкую известность.

Что нас сближало? Может быть, как это получше выразиться, легкая неприязнь к официальной стороне газетной работы. Какой-то здоровый цинизм, помогающий избегать громких слов…

В нашей конторе из тридцати двух сотрудников по штату двадцать восемь называли себя: «Золотое перо республики». Мы трое в порядке оригинальности

назывались – серебряными. Дима Шер, написавший в одной корреспонденции: «Искусственная почка – будничное явление наших будней», слыл дубовым пером.

В общем, мы дружили. Шаблинский работал в промышленном отделе, его материалы не вызывали дискуссий. В них преобладали цифры, рассчитанные на специфического читателя. Кленский трудился в отделе спорта, вел ежедневную хронику. Его точные деловые сообщения были лишены эмоций. Я писал фельетоны. Мне еще в апреле сказал редактор: «Будешь писать фельетоны – дадим квартиру».

Трудное это дело. Каждый факт надо тщательно проверять. Объекты критики изворачиваются, выгораживая себя. Город маленький, люди на виду. Короче, дважды меня пытались бить. Один раз – грузчики товарной станции (им это удалось). Затем – фарцовщик Чигирь, который ударил меня шляпой «борсалино» и тут же получил нокаут.

На мои выступления приходили бесчисленные отклики. Иногда в угрожающей форме. Меня это даже радовало. Ненависть означает, что газета еще способна возбуждать страсти.

Каждый из нас занимался своим делом. Все трое неплохо зарабатывали. Шаблинский привозил из командировок вяленую рыбу, утиные яйца и даже живых поросят. Кленский писал монографии за одного ветерана спорта, которого называл – «добрый плантатор». Короче, работали мы добросовестно и честно…

Что же дальше? Ничего особенного. К Мите Кленскому приехала гостья из Двинска. Я даже не знаю, что она имела в виду. Есть такие молодые женщины, не то чтобы порочные, развратные, нет, а, как бы это лучше выразиться, – беспечные. Их жизнь – сплошное действие. За нагромождением поступков едва угадывается душа. С чудовищными усилиями, ценою всяких жертв обзаводятся, например, девушки импортными сапогами. Трудно представить, как много времени и сил это отнимает. А потом – демонстрация импортных сапог. Бесчисленные компании, танцы или просто – от универмага до ратуши, мимо сияющих витрин. Иногда сапоги темнеют около вашей кровати: массивные подошвы, надломленные голенища. И не какой-то жуткий разврат. Просто

девушки не замужем. Выпили, автобусы не ходят, такси не поймать. И хозяин такой симпатичный. В доме три иконы, автограф Магомаева, эстампы, Коул Портер… По вечерам девушки танцуют, а днем работают. И неплохо работают. А в гости ходят к интересным людям. К журналистам, например…

Митя заглянул к нам в отдел. С ним была девушка.

– Посиди тут, – сказал он ей, – мой зав не в духе. Серж, ничего, она здесь посидит?

Я сказал:

– Ничего.

Девушка села у окна, вынула пудреницу. Митя ушел. Я продолжал трудиться без особого рвения. Фельетон, который я писал, назывался «ВМК без ретуши». Что такое «ВМК» – начисто забыл…

– Как вас зовут?

– Алла Мелешко. А правда, что все журналисты мечтают написать роман?

– Нет, – солгал я.

Девушка подкрасила губы и начала вертеться. Я спросил:

– Где вы учитесь?

Тут она начала врать. Какая-то драматическая студия, какая-то пантомима, югославский режиссер вызывает ее на съемки. Зовут режиссера Йошко Гати. Но какой-то «Интерсин» валюту не переводит…

Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет! Раньше врали, что есть жених, миллионер и коннозаводчик. Теперь врут про югославского режиссера. Когда-то человек гордился своими рысаками, а

теперь… вельветовыми шлепанцами из Польши. Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге, а мой знакомый Геныч вернулся из Москвы подавленный и тихий – Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе. Даже интеллигентные люди врут, что у них приличная зарплата. Я сам всегда рублей двадцать прибавляю, хотя действительно неплохо зарабатываю… Ладно…

Стала она врать. Я в таких случаях молчу – пусть. Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия. Я даже почему-то уверен, что ее вовсе не Аллой звали…

Потом явился Кленский.

– Ну все, – говорит, – триста строк у ответсека в папке. Можно и расслабиться.

Я мигом закруглил свой фельетон. Написал что-то такое: «…Почему молчали цеховые активисты? Куда глядел товарищеский суд? Ведь давно известно, что алчность, умноженная на безнаказанность, кончается преступлением!..»

– Ну, пошли, – говорит Кленский, – сколько можно ждать?!

Я сдал фельетон, и мы позвонили Шаблинскому. Он искренне реагировал на призыв:

– У Розки сессия. Денег – восемь рублей. Завтра у меня творческая среда. Как говорится, одно к одному…

Мы собрались на лестничной площадке возле лифта. Подошел Жбанков со вспышкой, молча сфотографировал Аллу и удалился.

– Какие планы? – спросил я.

– Позвоним Верке.

Вера Хлопина работала в машинописном бюро, хотя легко могла стать корректором и даже выпускающим. Нервная, грамотная и толковая, она вредила себе истерической, дерзкой прямотой. У нее охотно собиралось газетное руководство. Холостяцкая обстановка, две комнаты, Верины подружки, музыка… Выпив буквально две рюмки, Хлопина становилась опасной. Если ей что-то не

нравилось, она не подбирала выражений. Помню, она кричала заместителю редактора молодежной газеты Вейсблату:

– Нет, вы только послушайте! Он же темный, как Армстронг! Его в гараж механиком не примут!

И женщинам от нее доставалось. За все – за умение сублимировать грешки, за импортные наряды, за богатых и вялых мужей.

Нам троим Вера симпатизировала. И правильно. Мы не были карьеристами, не покупали автомашин, не важничали. И мы любили Веру. Хотя отношения с ней у всех троих были чисто приятельские. Вечно раскрасневшаяся, полная, чуточку нелепая, она была предельно целомудренна.

Хлопина не то чтобы любила выпить. Просто ей нравилось организовывать дружеские встречи, суетиться, бегать за рислингом, готовить закуску. Нам она говорила:

– Сейчас позвоню Людке из галантерейного отдела. Это фантастика! Осиная талия! Глазищи зеленые, вот такие!..

Людке кричала по телефону:

– Все бросай, лови мотор и к нам! Жду! Что? Писатели, журналисты, водки навалом, торт…

В результате приезжала Людка, высокая, стройная, действительно – глазищи… с мужем, капитаном УВД…

Все это делалось абсолютно бескорыстно. Просто Вера была одинока.

И вот мы к ней поехали. Купили джина с тоником и все, что полагается. Должен сказать, я эти вечеринки изучил. Знаю наперед, что будет дальше. Да и проходят они всегда одинаково. Раз и навсегда заведенный порядок. Своего рода концерт, где все номера значатся в программе.

Шаблинский поведает о какой-нибудь фантастической горкомовской охоте. Там будут вальдшнепы орлиных размеров, лесная избушка с финской баней, ереванский коньяк… Затем я перебью его своей излюбленной шуткой:

– А среди деревьев бегают инструкторы райкома в медвежьих шкурах…

– Завидуешь, – беззлобно ухмыльнется Шаблинский, – я же говорил – поедем…

Затем Кленский сообщит что-нибудь об ипподроме. И будут мелькать удивительные лошадиные клички: Ганнибал, Веселая Песенка, Рок-н-ролл. «Дукель его причесывает на вираже, у фаворита четыре сбоя, у меня в кармане шесть экспрессов, и в результате – столб-галоп!..»

Затем хозяйка опьянеет и выскажет то, что думает о каждом из нас. Но мы привыкли и не обижаемся. Кленскому достанется за его безвкусный галстук. Мне – за лояльность по отношению к руководству. Шаблинскому за снобизм. Выяснится, что она требовательно и пристрастно изучает все наши корреспонденции. Потом начнутся вечные журналистские разговоры, кто бездарный, кто талантливый, и довоенные пластинки, и слезы, и чудом купленная водка, и «ты меня уважаешь?» в финале. Кстати, неплохая рубрика для сатирического отдела…

В общем, так и получилось. Жарили какие-то сосиски на палочках. Вера опьянела, целовала портрет Добролюбова: «Какие были люди!..» Шаблинский рассказал какую-то пошлость о Добролюбове, я вяло опроверг. Алла врала что-то трогательное в своей неубедительности, якобы Одри Хепберн прислала ей красящий шампунь…

Потом она уединилась с Митей на кухне. А Кленский обладал поразительным методом воздействия на женщин. Метод заключался в том, что он подолгу с ними разговаривал. Причем не о себе, о них. И что бы он им ни говорил: «Вы склонны доверять людям, но в известных пределах…» – метод действовал безотказно и на учащихся ПТУ, и на циничных корреспонденток телевидения.

Мы с Шаблинским быстро наскучили друг другу. Он, не прощаясь, ушел. Вера спала. Я позвонил Марине и тоже уехал.

Алле я сказал только одну фразу: «Хотите, незаметно исчезнем?» Я всем говорю эту фразу. (Женщинам, разумеется.) Или почти всем. На всякий случай. Фраза недвусмысленная и безобидная при этом.

– Неудобно, – сказала Алла, – я же к Мите приехала…

Утром было много дел в редакции. Я готовил полосу о «народном контроле» и лечился минеральной водой. Шаблинский расшифровывал свои магнитофонные записи после конференции наставников. Появился Кленский, угрюмый, осунувшийся. Высказался загадочно и абстрактно: «Это такая же фикция, как и вся наша жизнь». В обед зазвонил телефон:

– Это Алла. Митю не видели?

– А, – говорю, – здравствуйте. Ну как?

– Гемоглобин – 200.

– Не понял.

– Что за странные вопросы: «Ну как?»… Паршиво, как же еще…

Пошел искать Кленского, но мне сказали, что он уехал в командировку. В поселке Кунгла мать-героиня родила одиннадцатое чадо. Я передал все это Алле. Алла говорит:

– Вот сволочь, и не предупредил…

Наступило молчание. Это мне не понравилось.

Я-то при чем? И полосу надо сдавать. Заголовки какие-то жуткие: «Баллада о пропавшем арифмометре»… А Митька действительно хорош, уехал и барышню не предупредил. Мне стало как-то неловко.

– Хотите, – говорю, – позавтракаем вместе?

– Да вообще позавтракать бы надо. Состояние какое-то непонятное.

Я назначил ей свидание. Затем разбросал по столу бумаги. Создал видимость труда…

Был прохладный и сумрачный майский день. Над витринами кафе хлопали полотняные тенты. Алла пришла в громадном коленкоровом сомбреро. Она им явно гордилась. Я с тоской огляделся. Не хватало еще, чтобы меня видели с этим сомбреро Маринины подруги. Поля его задевали водосточные трубы. В кафе выяснилось, что оно ловко складывается. Мы съели какие-то биточки, выпили чаю с пирожными. Она держалась так, словно у нее могли быть претензии ко мне. Я спросил:

– У вас, наверное, каникулы?

– Да, – говорит, – «римские каникулы».

– Действительно, принцесса среди журналистов. Как вас мама отпустила?

– А чего?

– Незнакомый город, соблазны…

– Встречаются две мамаши: «Как же ты дочку-то отпустила?» – «А чего беспокоиться? Она с девяти лет под надзором милиции…»

Я вежливо засмеялся. Подозвал официанта. Мы расплатились, вышли. Я говорю:

– Ну-с, был счастлив лицезреть вас, мадам.

– Чао, Джонни! – сказала Алла.

– Тогда уж не Джонни, а Джованни.

– Гуд бай, Джованни!

И она ушла в громадной коленкоровой шляпе, тоненькая, этакая сыроежка. А я поспешил в редакцию. Оказывается, меня уже разыскивал секретарь. К шести часам полоса была готова.

Вечером я сидел в театре. Давали «Колокол» по Хемингуэю. Спектакль ужасный, помесь «Великолепной семерки» с «Молодой гвардией». Во втором акте, например, Роберт Джордан побрился кинжалом. Кстати, на нем были польские джинсы. В точности как у меня.

В конце спектакля началась такая жуткая пальба, что я ушел, не дожидаясь оваций. Город у нас добродушный, все спектакли кончаются бурными аплодисментами…

Рано утром я пришел в контору. Мне была заказана положительная рецензия. Мертвея от табака и кофе, начал писать:

«Произведения Хемингуэя не сценичны. Единственная драма этого автора не имела театральной биографии, оставаясь „повестью в диалогах”. Она хорошо читается, подчеркивал автор. Бесчисленные попытки Голливуда экранизировать…»

Тут позвонила Вера. Я говорю:

– Ей-богу, занят! В чем дело?

– Поднимись на минутку.

– Что такое?

– Да поднимись ты на минутку!

– А, черт…

Вера ждала меня на площадке. Раскрасневшаяся, нервная, печальная.

– Ты понимаешь, ей деньги нужны.

Я не понял. Вернее – понял, но сказал:

– Не понимаю.

– Алке деньги нужны. Ей улететь не на что.

– Вера, ты меня знаешь, но до четырнадцатого это исключено. А сколько надо?

– Хотя бы тридцать.

– Совершенно исключено. Гонораров у меня в апреле никаких… В кассу семьдесят пять… За телевизор до сих пор не расплатился… А потом, я не совсем… Минуточку, а Кленский? Ведь это же его кадр…

– Куда-то уехал.

– Он скоро вернется.

– Ты понимаешь, будет катастрофа. Звонил ее жених из Саратова…

– Из Двинска, – сказал я.

– Из Саратова, это не важно… Сказал, что повесится, если она не вернется. Алка с февраля так путешествует.

– Так и приехал бы за ней.

– У него экзамен в понедельник.

– Замечательно, – говорю, – повеситься он может, а экзамен игнорировать не может…

– Он плакал, натурально плакал…

– Да нет у меня тридцати рублей! И потом как-то странно, ей-богу… А главное – нету!

Самое интересное, что я говорил правду.

– А если у кого-нибудь занять? – говорит Вера.

– Почему, собственно, надо занимать? Это девушка Кленского. Пусть он и беспокоится.

– Может, у Шаблинского спросить?

Пошли к Шаблинскому. Тот даже возмутился:

– У меня было восемь рублей, я их по-джентльменски отстегнул. Сам хочу у кого-нибудь двинуть. Дождитесь Митьку, и пусть он башляет это дело. Слушайте, я хохму придумал: «Все люди делятся на большевиков и башлевиков…»

– Ладно, – сказала Вера, – что-нибудь придумаю.

И пошла к дверям.

– Слушай, – говорю, – если не придумаешь, звони…

– Ладно.

– Можно вот что сделать. Можно взять у нее интервью.

– Это еще зачем?

– Под рубрикой – «Гости Таллинна». Студентка изучает готическую архитектуру. Не расстается с томиком Блока. Кормит белок в парке… Заплатят ей рублей двадцать, а может, и четвертак…

– Серж, постарайся!

– Ладно…

Тут меня вызвали к редактору. Генрих Францевич сидел в просторном кабинете у окна. Радиола и телевизор бездействовали. Усложненный телефон с белыми клавишами молчал.

– Садитесь, – произнес редактор, – есть ответственное задание. В нашей газете слабо представлена моральная тема. Выбор самый широкий. Злостные алиментщики, протекционизм, государственное хищение… Я на вас рассчитываю. Пойдите в народный суд, в ГАИ…

– Что-нибудь придумаю.

– Действуйте, – сказал редактор, – моральная тема – это очень важно…

– О'кей, – говорю.

– И помните: открытый редакционный конкурс – продолжается. Лучшие материалы будут удостоены денежных премий. А победитель отправится в ГДР…

– Добровольно? – спросил я.

– То есть?

– Меня даже в Болгарию не пустили. Я документы весной подавал.

– Пить надо меньше, – сказал Туронок.

– Ладно, – говорю, – мне и здесь неплохо…

В тот день было еще много забот, конфликтов, споров, нерешенных проблем. Я побывал на двух совещаниях. Ответил на четыре письма. Раз двадцать говорил по телефону. Пил коктейли, обнимал Марину…

Все шло нормально.

А день вчерашний – куда он подевался? И если забыт, то что же вынудило меня шесть лет спустя написать: «В этой повести нет ангелов и нет злодеев… Нет

грешников и праведников нет…»?

И вообще, что мы за люди такие?

Компромисс четвертый

(«Вечерний Таллинн». Октябрь. 1974 г.)

«ЭСТОНСКИЙ БУКВАРЬ

У опушки в день ненастный

Повстречали зверя.

Мы ему сказали: „Здравствуй!”

Зверь ответил: „Тере!”

И сейчас же ясный луч

Появился из-за туч…»

«Вечерний Таллинн» издается на русском языке. И вот мы придумали новую рубрику – «Эстонский букварь». Для малолетних русских читателей. Я готовил первый выпуск. Написал довольно милые стишки. Штук восемь. Универсальный журналист, я ими тайно гордился.

Звонит инструктор ЦК Ваня Труль:

– Кто написал эту шовинистическую басню?

– Почему – шовинистическую?

– Значит, ты написал?

– Я. А в чем дело?

– Там фигурирует зверь.

– Ну.

– Это что же получается? Выходит, эстонец – зверь? Я – зверь? Я, инструктор Центрального Комитета партии, – зверь?!

– Это же сказка, условность. Там есть иллюстрация. Ребятишки повстречали медведя. У медведя доброе, симпатичное лицо. Он положительный…

– Зачем он говорит по-эстонски? Пусть говорит на языке одной из капиталистических стран.

– Не понял.

– Да что тебе объяснять! Не созрел ты для партийной газеты, не созрел…

Час спустя заглянул редактор:

– Жюри штрафует вас на два очка.

– Какое еще жюри?

– Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР.

– Логично. А худший из худших – на Восток?

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего. Я пошутил. Разве ГДР – это Запад?

– А что же это, по-вашему?

– Вот Япония – это Запад!

– Что?! – испуганно вскричал Туронок.

– В идейном смысле, – добавил я.

Тень безграничной усталости омрачила лицо редактора.

– Довлатов, – произнес он, – с вами невозможно разговаривать! Запомните, мое терпение имеет пределы…

Компромисс пятый

(«Советская Эстония». Ноябрь. 1975 г.)

«ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ. Ежегодный праздник – День освобождения – широко отмечается в республике. Фабрики и заводы, колхозы и машинно-тракторные станции рапортуют государству о достигнутых высоких показателях.

И еще один необычный рубеж преодолен в эти дни. Население эстонской столицы достигло 400 000 человек. В таллиннской больнице № 4 у Майи и Григория Кузиных родился долгожданный первенец. Ему-то и суждено было оказаться 400 000-м жителем города.

– Спортсменом будет, – улыбается главный врач Михкелъ Теппе.

Счастливый отец неловко прячет грубые мозолистые руки.

– Назовем сына Лембитом, – говорит он, – пусть растет богатырем!..

К счастливым родителям обращается известный таллиннский поэт – Борис Штейн:

На фабриках, в жерлах забоев,

На дальних планетах иных —

Четыреста тысяч героев,

И первенец твой среди них…

Хочется вспомнить слова Гете:

«Рождается человек – рождается целый мир!»[1 - Фантазия автора. Гете этого не писал.]

Не знаю, кем ты станешь. Лембит?! Токарем или шахтером. офицером или ученым. Ясно одно – родился Человек! Человек, обреченный на счастье!..»

Таллинн – город маленький, интимный. Встречаешь на улице знакомого и слышишь: «Привет, а я тебя ищу…» Как будто дело происходит в учрежденческой столовой…

Короче, я поразился, узнав, сколько в Таллинне жителей.

Было так. Редактор Туронок вызвал меня и говорит:

– Есть конструктивная идея. Может получиться эффектный репортаж. Обсудим детали. Только не грубите…

– Чего грубить?.. Это бесполезно…

– Вы, собственно, уже нагрубили, – помрачнел Туронок, – вы беспрерывно грубите, Довлатов. Вы грубите даже на общих собраниях. Вы не грубите, только когда подолгу отсутствуете… Думаете, я такой уж серый? Одни газеты читаю? Зайдите как-нибудь. Посмотрите, какая у меня библиотека. Есть, между прочим, дореволюционные издания…

– Зачем, – спрашиваю, – вызывали?

Туронок помолчал. Резко выпрямился, как бы меняя лирическую позицию на деловую. Заговорил уверенно и внятно:

– Через неделю – годовщина освобождения Таллинна. Эта дата будет широко отмечаться. На страницах газеты в том числе. Предусмотрены различные аспекты – хозяйственный, культурный, бытовой… Материалы готовят все отделы редакции. Есть задание и для вас. А именно. По данным статистического бюро, в городе около четырехсот тысяч жителей. Цифра эта до некоторой степени условна. Несколько условна и сама черта города. Так вот. Мы посовещались и решили. Четырехсоттысячный житель Таллинна должен родиться в канун юбилея.

– Что-то я не совсем понимаю.

– Идете в родильный дом. Дожидаетесь первого новорожденного. Записываете параметры. Опрашиваете счастливых родителей. Врача, который принимал роды. Естественно, делаете снимки. Репортаж идет в юбилейный номер. Гонорар (вам, я знаю, это не безразлично) двойной.

– С этого бы и начинали.

– Меркантилизм – одна из ваших неприятных черт, – сказал Туронок.

– Долги, – говорю, – алименты…

– Пьете много.

– И это бывает.

– Короче. Общий смысл таков. Родился счастливый человек. Я бы даже так выразился – человек, обреченный на счастье!

Эта глупая фраза так понравилась редактору, что он выкрикнул ее дважды.

– Человек, обреченный на счастье! По-моему, неплохо. Может, попробовать в качестве заголовка? «Человек, обреченный на счастье»…

– Там видно будет, – говорю.

– И запомните, – Туронок встал, кончая разговор, – младенец должен быть публикабельным.

– То есть?

– То есть полноценным. Ничего ущербного, мрачного. Никаких кесаревых сечений. Никаких матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально полноценный мальчик.

– Обязательно – мальчик?

– Да, мальчик как-то символичнее.

– Генрих Францевич, что касается снимков… Учтите, новорожденные бывают так себе…

– Выберите лучшего. Подождите, время есть.

– Месяца четыре ждать придется. Раньше он вряд ли на человека будет похож. А кому и пятидесяти лет мало…

– Слушайте, – рассердился Туронок, – не занимайтесь демагогией! Вам дано задание. Материал должен быть готов к среде. Вы профессиональный журналист… Зачем мы теряем время?..

И правда, думаю, зачем?..

Спустился в бар, заказал джина. Вижу, сидит не очень трезвый фотокорреспондент Жбанков. Я помахал ему рукой. Он пересел ко мне с фужером водки. Отломил половину моего бутерброда.

– Шел бы ты домой, – говорю, – в конторе полно начальства…

Жбанков опрокинул фужер и сказал:

– Я, понимаешь, натурально осрамился. Видел мой снимок к Фединому очерку?

– Я газет не читаю.

– У Феди был очерк в «Молодежке». Вернее, зарисовка. «Трое против шторма». Про водолазов. Как они ищут, понимаешь, затонувший ценный груз. К тому же шторм надвигается. Ну, и мой снимок. Два мужика сидят на бревне. И шланг из воды торчит. То есть ихний подельник на дне шурует. Я, натурально, отснял, пристегнул шестерик и забыл про это дело. Иду как-то в порт, люди смеются. В чем дело, понимаешь? И выясняется такая история. Есть там начальник вспомогательного цеха – Мироненко. Как-то раз вышел из столовой, закурил у третьего причала. То, се. Бросил сигарету. Харкнул, извини за выражение. И начисто выплюнул челюсть. Вставную, естественно. А там у него золота колов на восемьсот с довеском. Он бежит к водолазам: «Мужики, выручайте!» Те с ходу врубились: «После работы найдем». – «В долгу не останусь». – «С тебя по бутылке на рыло». – «Об чем разговор»… Кончили работу, стали шуровать. А тут Федька идет с задания. Видит, такое дело. Чем, мол, занимаетесь? Строку, понимаешь, гонит. А мужикам вроде бы неловко. Хуё моё, отвечают, затонул ценный груз. А Федя без понятия: «Тебя как зовут? Тебя как зовут?»… Мужики отвечают как положено. «Чем увлекаетесь в редкие минуты досуга?»… Музыкой, отвечают, живописью… «А почему так поздно на работе?»… Шторм, говорят, надвигается, спешим… Федя звонит мне в редакцию. Я приехал, отснял, не вникая… Главное, бассейн-то внутренний, искусственный. Там и шторма быть не может…

– Шел бы ты домой, – говорю.

– Подожди, главное даже не это. Мне рассказывали, чем дело кончилось. Водолазы челюсть тогда нашли. Мироненко счастлив до упора. Тащит их в кабак. Заказывает водки. Кирнули. Мироненко начал всем свою челюсть демонстрировать. Спасибо, говорит, ребята выручили, нашли. Орлы, говорит, передовики, стахановцы… За одним столиком челюсть разглядывают, за другим… Швейцар подошел взглянуть… Тромбонист из ансамбля… Официантки головами качают… А Мироненко шестую бутылку давит с водолазами. Хватился, нету челюсти, увели. Кричит: «Верните, гады!» Разве найдешь… Тут и водолазы не помогут…

– Ладно, – говорю, – мне пора…

В родильный дом ехать не хотелось. Больничная атмосфера на меня удручающе действует. Одни фикусы чего стоят…

Захожу в отдел к Марине. Слышу:

– А, это ты… Прости, работы много.

– Что-нибудь случилось?

– Что могло случиться? Дела…

– Что еще за дела?

– Юбилей и все такое. Мы же люди серые, романов не пишем…

– Чего ты злишься?

– А чего мне радоваться? Ты куда-то исчезаешь. То безумная любовь, то неделю шляешься…

– Что значит – шляешься?! Я был в командировке на Сааремаа. Меня в гостинице клопы покусали…

– Это не клопы, – подозрительно сощурилась Марина, – это бабы. Отвратительные, грязные шлюхи. И чего они к тебе лезут? Вечно без денег, вечно с похмелья… Удивляюсь, как ты до сих пор не заразился…

– Чем можно заразиться у клопа?

– Ты хоть не врал бы! Кто эта рыжая, вертлявая дылда? Я тебя утром из автобуса видела…

– Это не рыжая, вертлявая дылда. Это – поэт-метафизик Владимир Эрль. У него такая прическа…

Вдруг я понял, что она сейчас заплачет. А плакала Марина отчаянно, горько, вскрикивая и не щадя себя. Как актриса после спектакля…

– Прошу тебя, успокойся. Все будет хорошо. Все знают, что я к тебе привязан…

Марина достала крошечный розовый платочек, вытерла глаза. Заговорила спокойнее:

– Ты можешь быть серьезным?

– Конечно.

– Не уверена. Ты совершенно безответственный… Как жаворонок… У тебя нет адреса, нет имущества, нет цели… Нет глубоких привязанностей. Я – лишь случайная точка в пространстве. А мне уже под сорок. И я должна как-то устраивать свою жизнь.

– Мне тоже под сорок. Вернее – за тридцать. И я не понимаю, что значит – устраивать свою жизнь… Ты хочешь выйти замуж? Но что изменится? Что даст этот идиотский штамп? Это лошадиное тавро… Пока мне хорошо, я здесь. А надоест – уйду. И так будет всегда…

– Не собираюсь я замуж. Да и какой ты жених! Просто я хочу иметь ребенка. Иначе будет поздно…

– Ну и рожай. Только помни, что его ожидает.

– Ты вечно сгущаешь краски Миллионы людей честно живут и работают. И потом, как я рожу одна?

– Почему одна? Я буду… содействовать. А что касается материальной стороны дела, ты зарабатываешь втрое больше. То есть от меня практически не зависишь…

– Я говорила о другом…

Зазвонил телефон. Марина сняла трубку:

– Да? Ну и прекрасно… Он как раз у меня…

Я замахал руками. Марина понимающе кивнула:

– Я говорю, только что был здесь… Вот уж не знаю. Видно, пьет где-нибудь.

Ну, думаю, стерва.

– Тебя Цехановский разыскивает. Хочет долг вернуть.

– Что это с ним?

– Деньги получил за книгу.

– «Караван уходит в небо»?

– Почему – караван? Книга называется «Продолжение следует».

– Это одно и то же. Ладно, – говорю, – мне пора.

– Куда ты собрался? Если не секрет…

– Представь себе, в родильный дом…

Я оглядел заваленные газетами столы. Ощутил запах табачного дыма и клея. Испытал такую острую скуку и горечь, что даже атмосфера больницы уже не пугала меня.

За дверью я осознал, что секунду назад Марина выкрикнула:

«Ну и убирайся, жалкий пьяница!»

Сел в автобус, поехал на улицу Карла Маркса. В автобусе неожиданно задремал. Через минуту проснулся с головной болью. Пересекая холл родильного дома, мельком увидел себя в зеркале и отвернулся…

Навстречу шла женщина в белом халате.

– Посторонним сюда нельзя.

– А потусторонним, – спрашиваю, – можно?

Медсестра замерла в недоумении. Я сунул ей редакционную книжку. Поднялся на второй этаж. На лестничной площадке курили женщины в бесформенных халатах.

– Как разыскать главного врача?

– Выше, напротив лифта.

Напротив лифта – значит, скромный человек. Напротив лифта – шумно, двери хлопают…

Захожу. Эстонец лет шестидесяти делает перед раскрытой форточкой гимнастику.

Эстонцев я отличаю сразу же и безошибочно. Ничего крикливого, размашистого в облике. Неизменный галстук и складка на брюках. Бедноватая линия подбородка и спокойное выражение глаз. Да и какой русский будет тебе делать гимнастику в одиночестве…

Протягиваю удостоверение.

– Доктор Михкель Теппе. Садитесь. Чем могу быть полезен?

Я изложил суть дела. Доктор не удивился. Вообще, что бы ни затеяла пресса, рядового читателя удивить трудно. Ко всему привыкли…

– Думаю, это несложно, – произнес Теппе, – клиника огромная.

– Вам сообщают о каждом новорожденном?

– Я могу распорядиться.

Он снял трубку. Что-то сказал по-эстонски. Затем обратился ко мне:

– Интересуетесь, как проходят роды?

– Боже упаси! Мне бы записать данные, взглянуть на ребенка и поговорить с отцом.

Доктор снова позвонил. Еще раз что-то сказал по-эстонски.

– Тут одна рожает. Я позвоню через несколько минут. Надеюсь, все будет хорошо. Здоровая мать… Такая полная блондинка, – отвлекся доктор.

– Вы-то, – говорю, – сами женаты?

– Конечно.

– И дети есть?

– Сын.

– Не задумывались, что его ожидает?

– А что мне думать? Я прекрасно знаю, что его ожидает. Его ожидает лагерь строгого режима. Я беседовал с адвокатом. Уже и подписку взяли…

Теппе говорил спокойно и просто. Как будто речь шла о заурядном положительном явлении.

Я понизил голос, спросил доверительно и конспиративно:

– Дело Солдатова?

– Что? – не понял доктор.

– Ваш сын – деятель эстонского возрождения?

– Мой сын, – отчеканил Теппе, – фарцовщик и пьяница. И я могу быть за него относительно спокоен, лишь когда его держат в тюрьме…

Мы помолчали.

– Когда-то я работал фельдшером на островах. Затем сражался в эстонском корпусе. Добился высокого положения. Не знаю, как это вышло. Я и мать – положительные люди, а сын – отрицательный…

– Неплохо бы и его выслушать.

– Слушать его невозможно. Говорю ему: «Юра, за что ты меня презираешь? Я всего добился упорным трудом. У меня была нелегкая жизнь. Сейчас я занимаю высокое положение. Как ты думаешь, почему меня, скромного фельдшера, назначили главным врачом?..» А он и отвечает: «Потому что всех твоих умных коллег расстреляли…» Как будто это я их расстрелял…

Зазвонил телефон.

– У аппарата, – выговорил Теппе, – отлично.

Затем перешел на эстонский. Речь шла о сантиметрах и килограммах.

– Ну, вот, – сказал он, – родила из девятой палаты. Четыре двести и пятьдесят восемь сантиметров. Хотите взглянуть?

– Это не обязательно. Дети все на одно лицо…

– Фамилия матери – Окас. Хилья Окас. Тысяча девятьсот сорок шестой год рождения. Нормировщица с «Пунанэ рэт». Отец – Магабча…

– Что значит – Магабча?

– Фамилия такая. Он из Эфиопии. В мореходной школе учится.

– Черный?

– Я бы сказал – шоколадный.

– Слушайте, – говорю, – это любопытно. Вырисовывается интернационализм. Дружба народов… Они зарегистрированы?

– Разумеется. Он ей каждый день записки пишет. И подписывается: «Твой соевый батончик».

– Разрешите мне позвонить?

– Сделайте одолжение.

Звоню в редакцию. Подходит Туронок.

– Слушаю вас… Туронок.

– Генрих Францевич, только что родился мальчик.

– В чем дело? Кто говорит?

– Это Довлатов. Из родильного дома. Вы мне задание дали…

– А, помню, помню.

– Так вот, родился мальчик. Большой, здоровый… Пятьдесят восемь сантиметров. Вес – четыре двести… Отец – эфиоп.

Возникла тягостная пауза.

– Не понял, – сказал Туронок.

– Эфиоп, – говорю, – родом из Эфиопии… Учится здесь… Марксист, – зачем-то добавил я.

– Вы пьяны? – резко спросил Туронок.

– Откуда?! Я же на задании.

– На задании… Когда вас это останавливало?! Кто в декабре облевал районный партактив?..

– Генрих Францевич, мне неловко подолгу занимать телефон… Только что родился мальчик. Его отец – дружественный нам эфиоп.

– Вы хотите сказать – черный?

– Шоколадный.

– То есть – негр?

– Естественно.

– Что же тут естественного?

– По-вашему, эфиоп не человек?

– Довлатов, – исполненным муки голосом произнес Туронок, – Довлатов, я вас уволю… За попытки дискредитировать все самое лучшее… Оставьте в покое своего засранного эфиопа! Дождитесь нормального – вы слышите меня? – нормального человеческого ребенка!..

– Ладно, – говорю, – я ведь только спросил…

Раздались частые гудки. Теппе сочувственно поглядел на меня.

– Не подходит, – говорю.

– У меня сразу же возникли сомнения, но я промолчал.

– А, ладно…

– Хотите кофе?

Он достал из шкафа коричневую банку. Снова раздался звонок. Теппе долго говорил по-эстонски. Видно, речь шла о деле, меня не касающемся. Я дождался конца разговора и неожиданно спросил:

– Можно поспать у вас за ширмой?

– Конечно, – не удивился Теппе. – Хотите моим плащом воспользоваться?

– И так сойдет.

Я снял ботинки и улегся. Нужно было сосредоточиться. Иначе контуры действительности безнадежно расплывались. Я вдруг увидел себя издали, растерянным и нелепым. Кто я? Зачем здесь нахожусь? Почему лежу за ширмой в ожидании бог знает чего? И как глупо сложилась жизнь!..

Когда я проснулся, надо мной стоял Теппе.

– Извините, потревожил… Только что родила ваша знакомая.

«Марина!» – с легким ужасом подумал я. (Все знают, что ужас можно испытывать в едва ощутимой степени.) Затем, отогнав безумную мысль, спросил:

– То есть как – знакомая?

– Журналистка из молодежной газеты – Румянцева.

– А, Лена, жена Бори Штейна. Действительно, ее с мая не видно…

– Пять минут назад она родила.

– Это любопытно. Редактор будет счастлив. Отец ребенка – известный в Таллинне поэт. Мать – журналистка. Оба – партийные. Штейн напишет балладу по такому случаю…

– Очень рад за вас.

Я позвонил Штейну.

– Здорво, – говорю, – тебя можно поздравить.

– Рано. Ответ будет в среду.

– Какой ответ?

– Поеду я в Швецию или не поеду. Говорят – нет опыта поездок в капстраны. А где взять опыт, если не пускают?.. Ты бывал в капстранах?

– Нет. Меня и в соц-то не пустили. Я в Болгарию подавал…

– А я даже в Югославии был. Югославия – почти что кап…

– Я звоню из клиники. У тебя сын родился.

– Мать твою! – воскликнул Штейн. – Мать твою!..

Теппе протянул мне листок с каракулями.

– Рост, – говорю, – пятьдесят шесть, вес – три девятьсот. Лена чувствует себя нормально.

– Мать твою, – не унимался Штейн, – сейчас приеду. Такси возьму.

Теперь нужно было вызвать фотографа.

– Звоните, звоните, – сказал Теппе.

Я позвонил Жбанкову. Трубку взяла Лера.

– Михаил Владимирович нездоров, – сказала она.

– Пьяный, что ли? – спрашиваю.

– Как свинья. Это ты его напоил?

– Ничего подобного. И вообще, я на работе.

– Ну, прости.

Звоню Малкиэлю.

– Приезжай, ребенка сфотографировать в юбилейный номер. У Штейна сын родился. Гонорар, между прочим, двойной…

– Ты хочешь об этом ребенке писать?

– А что?

– А то, что Штейн – еврей. А каждого еврея нужно согласовывать. Ты фантастически наивен, Серж.

– Я писал о Каплане и не согласовывал.

– Ты еще скажи о Гликмане. Каплан – член бюро обкома. О нем двести раз писали. Ты Каплана со Штейном не равняй…

– Я и не равняю. Штейн куда симпатичнее.

– Тем хуже для него.

– Ясно. Спасибо, что предупредил.

Говорю Теппе:

– Оказывается, и Штейн не подходит.

– У меня были сомнения.

– А кто меня, спрашивается, разбудил?

– Я разбудил. Но сомнения у меня были.

– Что же делать?

– Скоро еще одна родит. А может, уже родила. Я сейчас позвоню.

– А я выйду, прогуляюсь.

В унылом больничном сквере разгуливали кошки. Резко скрипели облетевшие черные тополя. Худой, сутулый юноша, грохоча, катил телегу с баком. Застиранный голубой халат делал его похожим на старуху.

Из-за поворота вышел Штейн.

– Ну, поздравляю.

– Спасибо, дед, спасибо. Только что Ленке передачу отправил… Состояние какое-то необыкновенное! Надо бы выпить по этому случаю.

«Выпьешь, – думаю, – с тобой… Одно расстройство».

Я не хотел его огорчать. Не стал говорить, что его ребенок забракован. Но Штейн уже был в курсе дела.

– Юбилейный материал готовишь?

– Пытаюсь.

– Хочешь нас прославить?

– Видишь ли, – говорю, – тут нужна рабоче-крестьянская семья. А вы – интеллигенты…

– Жаль. А я уже стих написал в такси. Конец такой:

На фабриках, в жерлах забоев,

На дальних планетах иных —

Четыреста тысяч героев,

И первенец мой среди них!

Я сказал:

– Какой же это первенец? У тебя есть взрослая дочь.

– От первого брака.

– А, – говорю, – тогда нормально.

Штейн подумал и вдруг сказал:

– Значит, антисемитизм все-таки существует?

– Похоже на то.

– Как это могло появиться у нас? У нас в стране, где, казалось бы…

Я перебил его:

– В стране, где основного мертвеца еще не похоронили… Само название которой лживо…

– По-твоему, все – ложь!

– Ложь в моей журналистике и в твоих паршивых стишках! Где ты видел эстонца в космосе?

– Это же метафора.

– Метафора… У лжи десятки таких подпольных кличек!

– Можно подумать, один ты – честный. А кто целую повесть написал о БАМе? Кто прославлял чекиста Тимофеева?

– Брошу я это дело. Увидишь, брошу…

– Тогда и не упрекай других.

– Не сердись.

– Черт, настроение испортил… Будь здоров.

Теппе встретил меня на пороге.

– Кузина родила из шестой палаты. Вот данные. Сама эстонка, водитель автокары. Муж – токарь на судостроительном заводе, русский, член КПСС. Ребенок в пределах нормы.

– Слава богу, кажется, подходит. Позвоню на всякий случай.

Туронок сказал:

– Вот и отлично. Договоритесь, чтобы ребенка назвали Лембитом.

– Генрих Францевич, – взмолился я, – кто же назовет своего ребенка Лембитом! Уж очень старомодно. Из фольклора…

– Пусть назовут. Какая им разница?! Лембит – хорошо, мужественно и символично звучит… В юбилейном номере это будет смотреться.

– Вы могли бы назвать своего ребенка – Бовой? Или Микулой?

– Не занимайтесь демагогией. Вам дано задание. К среде материал должен быть готов. Откажутся назвать Лембитом – посулите им денег.

– Сколько?

– Рублей двадцать пять. Фотографа я пришлю. Как фамилия новорожденного?

– Кузин. Шестая палата.

– Лембит Кузин. Прекрасно звучит. Действуйте.

Я спросил у Теппе:

– Как найти отца?

– А вон. Под окнами сидит на газоне.

Я спустился вниз.

– Але, – говорю, – вы Кузин?

– Кузин-то Кузин, – сказал он, – а что толку?!

Видимо, настрой у товарища Кузина был философский.

– Разрешите, – говорю, – вас поздравить. Ваш ребенок оказался 400000-м жителем нашего города. Сам я из редакции. Хочу написать о вашей семье.

– Чего писать-то?

– Ну, о вашей жизни…

– А что, живем неплохо… Трудимся, как положено… Расширяем свой кругозор… Пользуемся авторитетом…

– Надо бы куда-то зайти, побеседовать.

– В смысле – поддать? – оживился Кузин.

Это был высокий человек с гранитным подбородком и детскими невинными ресницами. Живо поднялся с газона, отряхнул колени.

Мы направились в «Космос», сели у окна. Зал еще не был переполнен.

– Денег – восемь рублей, – сказал Кузин, – плюс живая бутылка отравы.

Он достал из портфеля бутылку кубинского рома. Замаскировал оконной портьерой.

– Возьмем для понта граммов триста?

– И пива, – говорю, – если холодное…

Мы заказали триста граммов водки, два салата и по котлете.

– Нарезик копченый желаете? – спросил официант.

– Отдохнешь! – реагировал Кузин.

В зале было пустынно. На возвышении расположились четверо музыкантов. Рояль, гитара, контрабас и ударные. Дубовые пюпитры были украшены лирами из жести.

Гитарист украдкой вытер ботинки носовым платком. Затем подошел к микрофону и объявил:

– По заказу наших друзей, вернувшихся из курортного местечка Азалемма…

Он выждал многозначительную паузу.

– Исполняется лирическая песня «Дождик каплет на рыло!..»

Раздался невообразимый грохот, усиленный динамиками. Музыканты что-то выкрикивали хором.

– Знаешь, что такое Азалемма? – развеселился Кузин. – Самый большой лагерный поселок в Эстонии. ИТК, пересылка, БУР… Ну, давай!

Он поднял стакан.

– За тебя! За твоего сына!

– За встречу! И чтоб не последняя…

Две пары отрешенно танцевали между столиками. Официанты в черно-белой униформе напоминали пингвинов.

– По второй?

Мы снова выпили.

Кузин бегло закусил и начал:

– А как у нас все было – это чистый театр. Я на судомехе работал, жил один. Ну, познакомился с бабой, тоже одинокая. Чтобы уродливая, не скажу – задумчивая. Стала она заходить, типа выстирать, погладить… Сошлись мы на Пасху… Вру, на Покрова… А то после работы – вакуум… Сколько можно нажираться?.. Жили с год примерно… А чего она забеременела, я не понимаю… Лежит, бывало, как треска. Я говорю: «Ты, часом, не уснула?» – «Нет, – говорит, – все слышу». – «Не много же, – говорю, – в тебе пыла». А она: «Вроде бы свет на кухне горит…» – «С чего это ты взяла?» – «А счетчик-то вон как работает…» – «Тебе бы, – говорю, – у него поучиться…» Так и жили с год…

Кузин вытащил из-за портьеры бутылку рома, призывно ее наклонил. Мы снова выпили.

Гитарист одернул пиджак и воскликнул:

– По заказу Толика Б., сидящего у двери, исполняется…

Пауза. Затем – с еще большим нажимом:

– Исполняется лирическая песня: «Каким меня ты ядом напоила?..»

– Ты сам женат? – поинтересовался Кузин.

– Был женат.

– А сейчас?

– Сейчас вроде бы нет.

– Дети есть?

– Есть.

– Много?

– Много… Дочь.

– Может, еще образуется?

– Вряд ли…

– Детей жалко. Дети-то не виноваты… Лично я их называю «цветы жизни»… Может, по новой?

– Давай.

– С пивом…

– Естественно…

Я знал, еще три рюмки, и с делами будет покончено. В этом смысле хорошо пить утром. Выпил – и целый день свободен…

– Послушай, – говорю, – назови сына Лембитом.

– Почему же Лембитом? – удивился Кузин. – Мы хотим Володей. Что это такое – Лембит?

– Лембит – это имя.

– А Володя что, не имя?

– Лембит – из фольклора.

– Что значит – фольклор?

– Народное творчество.

– При чем тут народное творчество?! Личного моего сына хочу назвать Володей… Как его, высерка, назвать – это тоже проблема. Меня вот Гришей назвали, а что получилось? Кем я вырос? Алкашом… Уж так бы и назвали – Алкаш… Поехали?

Мы выпили, уже не закусывая.

– Назовешь Володей, – разглагольствовал Кузин, – а получится ханыга. Многое, конечно, от воспитания зависит…

– Слушай, – говорю, – назови его Лембитом временно. Наш редактор за это капусту обещал. А через месяц переименуешь, когда вы его регистрировать будете…

– Сколько? – поинтересовался Кузин.

– Двадцать пять рублей.

– Две полбанки и закуска. Это если в кабаке…

– Как минимум. Сиди, я позвоню…

Я спустился в автомат. Позвонил в контору. Редактор оказался на месте.

– Генрих Францевич! Все о'кей! Папа – русский, мать – эстонка. Оба с судомеха…

– Странный у вас голос, – произнес Туронок.

– Это автомат такой… Генрих Францевич, срочно пришлите Хуберта с деньгами.

– С какими еще деньгами?

– В качестве стимула. Чтобы ребенка назвали Лембитом… Отец согласен за двадцать пять рублей. Иначе, говорит, Адольфом назову…

– Довлатов, вы пьяны! – сказал Туронок.

– Ничего подобного.

– Ну, хорошо, разберемся. Материал должен быть готов к среде. Хуберт выезжает через пять минут. Ждите его на Ратушной площади. Он передаст вам ключ…

– Ключ?

– Да. Символический ключ. Ключ счастья. Вручите его отцу… В соответствующей обстановке… Ключ стоит три восемьдесят. Я эту сумму вычту из двадцати пяти рублей.

– Нечестно, – сказал я.

Редактор повесил трубку.

Я поднялся наверх. Кузин дремал, уронив голову на скатерть. Из-под щеки его косо торчало блюдо с хлебом.

Я взял Кузина за плечо.

– Але, – говорю, – проснись! Нас Хуберт ждет…

– Что?! – всполошился он, – Хуберт? А ты говорил – Лембит.

– Лембит – это не то. Лембит – это твой сын. Временно…

– Да, у меня родился сын.

– Его зовут Лембит.

– Сначала Лембит, а потом Володя.

– А Хуберт нам деньги везет.

– Деньги есть, – сказал Кузин, – восемь рублей.

– Надо рассчитаться. Где официант?

– Але! Нарезик, где ты? – закричал Кузин.

Возник официант с уныло поджатыми губами.

– Разбита одна тарелка, – заявил он.

– Ага, – сказал Кузин, – это я мордой об стол – трах!

Он смущенно достал из внутреннего кармана черепки.

– И в туалете мимо сделано, – добавил официант, – поаккуратнее надо ходить…

– Вали отсюда, – неожиданно рассердился Кузин, – слышишь? Или я тебе плешь отполирую!

– При исполнении – не советую. Можно и срок получить.

Я сунул официанту деньги.

– Извините, – говорю, – у моего друга сын родился. Вот он и переживает.

– Поддали – так и ведите себя культурно, – уступил официант.

Мы расплатились и вышли под дождь. Машина Хуберта стояла возле ратуши. Он просигналил и распахнул дверцу. Мы залезли внутрь.

– Вот деньги, – сказал Хуберт, – редактор беспокоится, что ты запьешь…

Я принял у него в темноте бумажки и мелочь…

Хуберт протянул мне увесистую коробку.

– А это что?

– «Псковский сувенир».

Я раскрыл коробку. В ней лежал анодированный ключ размером с небольшую балалайку.

– А, – говорю, – ключ счастья!

Я отворил дверцу и бросил ключ в урну. Потом сказал Хуберту:

– Давай выпьем.

– Я же за рулем.

– Оставь машину и пошли.

– Мне еще редактора везти домой.

– Сам доберется, жирный боров…

– Понимаешь, они мне квартиру обещали. Если бы не квартира…

– Живи у меня, – сказал Кузин, – а бабу я в деревню отправлю. На Псковщину, в Усохи. Там маргарина с лета не видели…

– Мне пора ехать, ребята, – сказал Хуберт…

Мы снова вышли под дождь. Окна ресторана «Астория» призывно сияли. Фонарь выхватывал из темноты разноцветную лужу у двери…

Стоит ли подробно рассказывать о том, что было дальше? Как мой спутник вышел на эстраду и заорал: «Продали Россию!..» А потом ударил швейцара так, что фуражка закатилась в кладовую… И как потом нас забрали в милицию… И как освободили благодаря моему удостоверению… И как я потерял блокнот с записями… А затем и самого Кузина…

Проснулся я у Марины, среди ночи. Бледный сумрак заливал комнату. Невыносимо гулко стучал будильник. Пахло нашатырным спиртом и мокрой одеждой.

Я потрогал набухающую царапину у виска.

Марина сидела рядом, грустная и немного осунувшаяся. Она ласково гладила меня по волосам. Гладила и повторяла:

– Бедный мальчик… Бедный мальчик… Бедный мальчик…

С кем это она, думаю, с кем?..

Компромисс шестой

(«Вечерний Таллинн». Недельная радиопрограмма. Март. 1976 г.)

…13.30. «ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. Владимир Меркин. Экономика – день грядущий».

В радиоочерке Л.Агаповой и С.Довлатова предстает кандидат экономических наук Владимир Григорьевич Меркин. Вы услышите его живой и увлекательный рассказ об экономическом прогрессе в СССР и о необратимом финансовом кризисе современного Запада. В перерыве – новости и «Музыкальный антракт».

Четыре года спустя на лице журналистки Агаповой появится шрам от удара металлической рейсшиной. На нее с безумным воплем кинется архитектор-самоучка Дегтяренко, герой публицистической радиопередачи «Ясность», так и не запущенной в эфир. За шесть недель до этой безобразной сцены журналистке впервые расскажут о проекте «Мобиле кооперато» и его гениальном творце, чернорабочем одной из таллиннских фабрик. Агапова напишет очерк под рубрикой «Встреча с интересным человеком». Технический отдел затребует чертежи. Эксперт Чубаров минуту подержит в холеных руках две грязные трепещущие кальки и выскажется следующим образом:

– Оригинально! Весьма оригинально!

Журналистка с облегчением и гордостью воскликнет:

– У него четыре класса образования!

– А у вас? – брезгливо поинтересуется эксперт. – Вы знаете, что это такое?

– Мобиле кооперато. Подвижный дом. Жилище будущего…

– Это вагон, – прервет ее Чубаров, – обыкновенный вагон. А вашего Ле Корбюзье нужно срочно госпитализировать…

Передачу тут же забракуют. Обнадеженный было Дегтяренко ударит Лиду металлической рейсшиной по голове. Карьера внештатной сотрудницы Таллиннского радио надолго прервется… Все это произойдет четыре года спустя. А пока мы следуем за ней к трамвайной остановке.

До этого было пасмурное утро, еще раньше – ночь. Сонный голубь бродил по карнизу, царапая жесть. Затем – будильник, остывшие шлепанцы, толчея возле уборной, чай, покоробившийся влажный сыр, гудение электробритвы – муж спешит на работу. Дочь: «Я, кажется, просила не трогать мой халат!»… И наконец – прохлада равнодушных улиц, ветер, цинковые лужи, болонки в сквере, громыхание трамвая…

Попробую ее изобразить. Хотя внешность Агаповой существенного значения не имеет.

Резиновые импортные боты. Тяжелая коричневая юбка не подчеркивает шага. Синтетическая курточка на молнии – шуршит. Кепка с голубым верхом – форменная – таллиннского политехника. Лицо решительное, вечно озябшее. Никаких следов косметики. Отсутствующий зуб на краю улыбки. Удивляются только глаза, брови неподвижны, как ленточка финиша…

Следуем за нашей героиней. Трамвайная остановка…

«…Вон как хорошо девчонки молодые одеваются. Пальтишко бросовое, а не наше. Вместо пуговиц какие-то еловые шишки… А ведь смотрится… Или эта, в спецодежде… Васильки на заднице… Походка гордая, как у Лоллобриджиды… А летом как-то раз босую видела… Не пьяную, сознательно босую… В центре города… Идет, фигурирует… Так и у меня, казалось бы, все импортное, народной демократии. А вида нету… И где они берут? С иностранцами гуляют? Позор!.. А смотрится…»

С натугой разъехались двери трамвая. Короткий мучительный штурм. Дорогу ей загородила широкая армейская спина. Щекой – по ворсистой удушливой ткани… Ухватилась за поручень. Мелькнула жизнь в никелированной трубе…

– Копеечку не опускайте…

Лида балансирует над металлическим ящиком-кассой.

– Да проходите же, стоит как неродная…

Главное, не раздражаться, относиться с юмором. Час пик, обычное явление. Тут главное – найти источник положительных эмоций. Вон бабке место уступили. Студент конспекты перелистывает. Даже у военного приличное лицо…

И снова – улица, машины, люди, приятная волнующая безучастность людей и машин. Затем – вестибюль, широкая мраморная лестница, ковровые дорожки, потертые на сгибах… Табличка – «Отдел пропаганды».

Лида постучала и вошла. Все ужасно ей обрадовались. Кулешов сказал очередную пошлость. Верочка Котова улыбнулась, не поднимая глаз. Женя Тюрин помог раздеться. Моралевич спросил:

– Ты слушала в четверг? Сам Юрна тобой доволен.

– Правда?!

Тут же курил и Валя Чмутов, хронический неудачник. Чмутов был актером. Имел природный дар – красивый низкий голос удивительного тембра. Работал диктором. Шесть месяцев назад с ним произошла трагическая история. Чмутов должен был рано утром открыть передачу, которая шла непосредственно в эфир. Произнести всего несколько слов: «Дорогие радиослушатели! В эфире еженедельная программа – „Здравствуй, товарищ!”». И все. Дальше – музыка и запись. Чмутов получает свои одиннадцать рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фантазия автора. Гете этого не писал.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-dovlatov/kompromiss-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить